

Христианство

Христос воскрес!

Это приветствие мы произносим, свидетельствуя истину Воскресения Христова. Этим приветствием выражаем уверенность в своем призвании к со-воскресению с Ним.

Нет ничего торжественнее этих слов, нет счастливее того человека, кто осмысленно и от всей души их произносит, и нет заявления более обязывающего к святости жизни: мы провозглашаем свою принадлежность к святому Христову роду – Его Церкви. Мы торжествуем, радуемся о том, что мы христиане. Мы провозглашаем в этих двух словах свою веру в то, что Господь нас искупил и уготовал нам Царство и мы более не рабы ни диаволу, ни людям. Чтобы произносить их осмысленно вовсе нет необходимости быть «семи пядей во лбу», иметь богословское образование и т.д. Мощный интеллект нередко является камнем преткновения для восприятия «мудрости свыше», но не потому, что разум противостоит вере, а потому, что человек начинает надмеваться, гордиться и становится враждебной и неприступной крепостью по отношению к благодати Духа Истины. И наоборот, встречается нам кто-то, не обладающий особо изощренным умом, а несколькими словами (чаще в поступках) он проявляет глубочайшее проникновение в суть евангельского благовестия.

Любой человек равнодушный к вопросам веры, мировоззрения и нравственности (независимо от исповедуемого им вероучения, уверовал он уже или только «на подходе» к вере, впитал веру с младенчества или обрел ее самостоятельно) обязательно и неоднократно задумывался: что же есть христианство? И на разных этапах жизни, **в зависимости от искренности интереса и от способности прислушиваться к своей совести и голосу разума**, люди находят ответы, порой взаимно противоречащие. Не все люди интересуются этим вопросом, и не все из интересующихся достаточно искренни.

Я не случайно опустил такое немаловажное условие, влияющее на понимание, что есть христианство, как религиозная и национальная принадлежность. Конечно, христиане и нехристиане, люди принадлежащие к традиционно-христианским народам и те, чьи народы принято считать традиционно-нехристианскими (весьма условное понятие) по-разному отвечают себе на этот вопрос. И зачастую именно эта принадлежность определяет выводы, которые делаются из наблюдений и размышлений. Можно согласиться с тем, что именно этот фактор «уже принадлежности» к некоей общности (этнической или религиозной) в большинстве случаев является решающим при формировании представлений о христианстве. Но нельзя согласиться с тем, что этот подход истинен. И вот почему. Христианство – это религия. Религия – это связь с Богом. Бог – один; Бог – Истина. Стало быть: Истина – одна; истинная религия (истинная и полноценная связь с Богом) – одна. Из

этого следует, что принадлежность к **одному из** человеческих сообществ, в котором «принято» исповедовать определенную религию не может считаться истинным критерием при формировании религиозного мировоззрения. Когда речь идет о мировоззренческом самоопределении, нельзя руководствоваться стадным инстинктом. Это не политический выбор, а нравственный: является ли Истина для меня божественной целью устремлений души и поисков разума, или же она – всего лишь то, что я себе выберу, как *наиболее удобное понимание жизненно важных вопросов*. И если Бог есть Истина, то я тем самым делаю выбор: **кто Он для меня и кем я хочу быть в отношении к Нему**. Великое дело, когда человек владеет и дорожит традициями своего народа и религии к которой себя относит, но величайшее, когда в своем мировоззренческом выборе он все же находит в себе мужество поставить превыше всего союз совести и разума. Именно так поступали древние христиане, когда принимали веру в Распятого и Воскресшего, именно так поступил и святой равноапостольный князь Владимир, когда отверг веру отцов и принял христианство, этим же руководствовались и в более поздние времена бесчисленные мученики и исповедники из «традиционно-нехристианских» народов, но **таковыми же верными истине Божией предстают и те, кто, будучи крещен в младенчестве и получив религиозное воспитание, не поленились и не побоялись задуматься: что же есть христианство? И не только поставили и выяснили этот вопрос, но постарались понятое положить в основание своего образа жизни.**

Бог видит сердце каждого человека. И дает каждому по его сердцу. Многие ищут общения с Богом, но не все ищут Бога. Для одних немалую роль играет стремление к такой религиозной жизни, которая удовлетворяла бы и национальному чувству, и эстетическому вкусу, и потребности в среде общения. Это вполне понятно. Порочность религиозного пути начинается там, где указанные стремления становятся решающим фактором религиозного самоопределения. Хорошо если человек принадлежит к традиционно-христианскому народу и, стремясь к религиозной жизни, он приходит ко Христу. Блаженны русские – достаточно осознать свою этнокультурную принадлежность, чтобы оказаться на истинном религиозном пути. А каково тем, чьи этнические корни связаны исповеданием иных религий? Господь смотрит на сердце человека и видит все его сокровенные уголки. И если находит искренний и всецелый порыв, то обязательно приводит к Себе. Но, следует иметь в виду, что человек, заявляющий: «Я православный христианин, потому что я – русский», – по сути признает, что вера для него – лишь способ этнической самоидентификации, т.е. вспомогательное средство в земной жизни. Один лютеранский епископ как-то прекрасно проиллюстрировал эту концепцию, сказав примерно так, что если бы он был арабом, то был бы мусульманином, если итальянцем, то католиком, если бы русским, то православным, а так как он эстонец, то он – лютеранин. В связи с этим вспоминается разговор происшедший между двумя эстонцами: лютеранином и католиком. Лютеранин спрашивает католика:

«Почему ты – католик? Ведь ты же – эстонец». И получает достойный ответ: «А если бы я родился в Индонезии, мне что: подобало бы людоедство»?

Так, что же есть христианство и кто такие христиане? Возникло это наименование еще на заре христианства в городе Антиохии. Так стали называть людей, составлявших местную церковную общину; тех, кто исповедовал, что обещанный пророками Мессия (по-гр. Христос) есть Иисус – воплотившийся Бог, Который взял на Себя наши грехи, был распят ради нашего спасения и воскрес; Который установил новый Завет, чтобы всякий вступающий с Ним в этот Завет стал по благодати тем, кем по природе является Он – Сын Божий. Но не только устная проповедь о Христе побудила антиохийцев так их назвать, но в первую очередь образ жизни, который целиком проистекал из их веры. Вопрос о значении этого имени ставился еще в древности; не потерял он своей актуальности и в наши дни. Св. Григорий Нисский (IV в.) определил христианство как «подражание Божескому естеству». В письме к Олимпию монаху он пишет: «Даровано уверовавшим в Него одно главное название – именование христианами. Если такая дарована нам свыше благодать, то **необходимо, во-первых, размыслить о величии дара**, чтобы по достоинству возблагодарить даровавшего столько Бога; затем **показать себя такими в жизни, какими требует, чтобы мы были значение сего великого имени**».

Увещевая рассудить о значении понятия «христианство», он выражает надежду, что в итоге «может быть мы станем тем, чего требует это имя, дабы, имея вид (христиан), по одному только исповеданию и покрову имени не оказаться чем-либо иным, а не тем, чем кажемся, пред Видящим тайное». Но как можно всерьез говорить о подражании Богу, даже принимая, что Бог сотворил человека по Своему образу и подобию? Такой вопрос обычно свидетельствует о неверном понимании подражания, потому что, как говорит св. Григорий: «Слово (Писания) о сем ясно: не приравнивать естество человеческое естеству Божескому повелевает оно, но **(Его) благим действиям, сколько возможно, подражать в жизни**. Итак, какого рода наши действия могут быть подобны действиям Божиим? **Отчуждаться от всякого зла, сколько возможно, делом, словом и помышлением стараясь быть чистым от осквернения им**. В этом состоит истинное подражание божескому и свойственному небесному Богу, совершенству». И еще: «Христианина истинного и кажущегося распознаем из открывающихся в каждом характеристических свойств. **Свойства подлинного христианина все те, какие мы нашли во Христе; из них доступным для нас подражаем, а те, подражание коим не доступно нашему естеству, чтим и покланяемся им...** Итак, что должно делать тому, кто удостоен именоваться великим именем Христовым? Что иное, как не тщательно различать в себе мысли и слова и дела, относится ли каждое из них ко Христу или чуждо Христу? А такое различение очень удобно. Ибо, **что совершается, или мыслится, или говорится под влиянием какой-либо страсти, то совершенно чуждо Христу и носит на себе черты противника**»... По мнению

святителя Григория, сравнивающего мнимых христиан с мифическими получеловеческими существами, не может быть назван христианином «в точном смысле слова ни тот, кто имеет главу без разума, т.е. не имеющий в вере главы всего, которая есть Слово, ни тот, кто, имея главу веры, не являет ей соответствующего тела – образа жизни, когда или при гневливости свойственной драконам, по зверству подобится этим пресмыкающимся, или к свойствам человеческим присоединяет женонеистовство коней и становится каким-то иппокентавром, составленным из двух природ: разумной и неразумной. Много можно видеть таких людей: одни, имея голову тельца, т.е. признавая учение идолопоклонства, проводят благовидную жизнь (они изображают как бы минотавра); другие, имея христианское лицо, своею жизнью присоединяют к нему звероподобное тело (они представляют собою как бы кентавров и чудовищ с драконовыми ногами)».

Во Христе – жизнь, и душа христианина – живая, если жива его вера. Но, как определить: жива ли душа? Св. Иоанн Златоуст отвечает: «В чем состоит жизнь души, это можешь узнать из жизни тела. Тело мы называем живым тогда, когда оно находится в здоровом состоянии. Когда же оно находится в расслаблении и имеет беспорядочное движение, то хотя оно по-видимому и живет, и движется, но такая жизнь бывает хуже всякой смерти... Из чего мы познаем, что имеем душу? Не из действий ли свойственных душе? Но если она не делает того, что ей свойственно, то не умерла ли она? Если, например, она не заботится о добродетели, но похищает чужое и беззаконничает, то почему я могу сказать, что ты имеешь душу? Потому ли, что ходишь? Но это свойственно и неразумным животным. Потому ли, что ешь и пьешь? Но и звери едят и пьют. Потому ли, что ты стоишь в прямом положении и на двух ногах? Но из этого я более вижу, что ты зверь в человеческом образе... Если бы я увидел зверя, говорящего человеческим языком, то не сказал бы по одному этому, что он человек, но почел бы его по этому самому более странным пред другими зверями. Итак, откуда же могу я узнать, что ты имеешь душу человеческую? Когда ты лягаешься как осел, когда злопамятен как верблюд, когда кусаешься как медведь, когда хищен как волк, когда крадешь как лисица, когда коварен как змей, когда бесстыден как пес – как я могу узнать, что ты имеешь человеческую душу?»

Вот нам и дана жизнь, чтобы подражанием Богу привести свою душу в человеческий вид.